

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Ван Илин на тему: «Конструкции в системе способов выражения оценки в современном русском литературном языке (на фоне китайского языка)», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык

Аксиологическая ось лежит в основе антропологической лингвистики, дает базовое представление о ценности тех или иных предметов и явлений, является исходной точкой для разведения множества понятий. В достаточно древней традиции выражения своего отношения к тем или иным вещам индивид почему-то не может справиться со стоящими перед ним жизненными задачами, не высказав в той или иной степени своей субъективной позиции по ряду показателей (а в концепции А.В. Бондарко это и положительная, и нейтральная, и отрицательная установка, реализуемая разными средствами в языке). Именно поэтому сопоставление русского языка с китайским оказывается столь актуальным: по большому счету, без понимания интерпретации высказываний на одном языке на основе сравнения с переводом на другой нельзя прочувствовать, как воспринимается печатное слово представителями другой этничности или национальности.

И теоретическая рамка функциональной грамматики в сочетании с грамматикой конструкций, и методы анализа на основе НКРЯ, выделения ядра и периферии, инварианта и расширения значения, и материал исследования – роман Л. Улицкой «Медея и ее дети» и его перевод на китайский язык – всё подобрано с большим вкусом и отвечает современному состоянию лингвистики. Разумеется, толкование дается на основе экстралингвистических знаний, а также семантической и грамматической информации, выраженной имплицитно или эксплицитно. Самое интересное – это детали, и их в работе достаточно много.

Теоретическая часть носит обобщающий характер и отличается охватом проблемы. Пожалуй, с точки зрения иностранца выделить значение коннотаций даже повседневных предметов, не то что поступков, – самое сложное. Обычно исследователи ограничиваются тем, что лежит на поверхности, например, обращая внимание на сравнения с животными (в диссертации отмечается замена *свиньи зайцем* в соответствии с предубеждениями русских и китайцев) или цвета в картине мира того или иного народа (одно такое сравнение также встречается). Неконтролируемое приписывание оценочных признаков чревато существенными коммуникативными неудачами. Рецензируемая работа должна стать важным подспорьем для переводчиков, поскольку раскрывает множество ловушек, в которые легко может попасть интерпретатор в поисках эквивалентов качественных признаков, и в этом аспекте имеет ярко выраженное практическое значение.

Рассмотрение конструкции *Это X-у не по Y-у* включает в себя историческую, синтаксическую, семантическую, темпоральную, частотную и некоторые другие перспективы. Из анализа становится ясно, что в функции Y может выступать объект, которому говорящий придает возможность изменения, т.е. то, что является Y, задает определенные параметры для указания на размеры (как в случае: «такое мероприятие мне не по иммунитету»). В силу устойчивости оборота оказывается, что если некоторое слово попадает в позицию Y, то вынужденным образом приобретает воображаемые пространственные и квантифицируемые характеристики. Удивительно, что на семантику этой позиции есть определенные ограничения. Несколько непонятно относительно фразеологизма «не по губе» / «не по губам», какая между этими выражениями разница – диалектная или смысловая, а также можно ли соотнести с исследуемой конструкцией поговорку *не по Сеньке шапка*. Заключительная таблица в приложении, конечно, вызывает дискуссию. Например, кажется, что «не по теме / не по порядку» имеют несколько иное значение, а вот «не по чину» вполне может быть дополнено «не по рангу / не по должности» (примеры обнаруживаются в НКРЯ), и интересно, что именно первый вариант до сих пор доминирует, хотя феномен *чина* официально упразднен. Это, возможно, свидетельствует об активности конструкции, соответственно, о своевременности ее изучения.

Конструкция *X не такой Y, чтобы P* рассмотрена не только в тексте, но и в приложении, где материал преподносится компаративно. Есть некоторые сомнения в интерпретации примеров 108 и 109, а именно, что «страх» выступает здесь в качестве оценки. Как и другие конструкции: *нет чтобы P, X что Y* (заметим, что, вероятно, этот синтаксический фразеологизм достаточно универсален типологически), *X-у бы только P* – эти явления проанализированы с точки зрения оценочности, что придает работе цельность. Общей чертой данных выражений является сравнение с некоторой гипотетической ситуацией, в которой возможно нечто иное по сравнению с реальностью, и выделение некой особенной черты поведения. В итоге пять идиоматических построений делятся на три группы, выражающие либо отрицательную, либо и положительную, и отрицательную, либо более сложную оценку. Все-таки кажется, что оценка всегда зависит от говорящего (и частично диссертантка опирается на такие рассуждения), т.е. в парадигме антропологической лингвистики это явление трактовалось бы в зависимости от интенций говорящего и его аксиологической сетки. К сожалению, синтаксические фразеологизмы подобного типа, на самом деле, как кажется, частотные в разговорной речи, редко попадают в учебники русского языка для иностранцев.

В третьей главе и в заглавии диссертации употребляется выражение «на фоне китайского языка», что звучит как вариант компаративистики, уместной в работе по

русскому языку и подчеркивающей общее и особенное в каждом из языков. Обзор средств выражения оценки, содержит, в частности, описание нюансов и иронии. Можно представить себе, как трудно было подбирать адекватные переводы для всех этих выражений. Подчеркивается, что в китайском языке значим не столько выбор лексики, сколько комбинаторика, в том числе и прямые указания на что-то хорошее или плохое (с. 110), и спецификой является сращивание нескольких смыслов. Различение оценки на уровне номинации и на уровне высказывания – особый вклад автора в теорию. К сожалению, могу судить об особенностях передачи оценки только на основе обратных переводов, что заставляет думать о многообразии способов экспликации писательского замысла. С другой стороны, тесное слияние модальности и оценочности в русском языке оказывается в переводе разъятым на компоненты, и пересборка значения из выявленных частичек выглядит достаточно убедительной. Миграция элементов значения от одного слова к другому возможна и даже рекомендуется в рамках передачи общего смысла высказывания при переводе, поэтому приятно увидеть иллюстрирующие этот прием примеры (216) и (217). Автор диссертационного исследования не смогла обойтись без высказывания своего позитивного отношения к роману и определения того, почему он способен вызвать отклик у китайцев. Естественно, после проделанной работы она с полным основанием может рассуждать и об авторском стиле Л. Улицкой, что является разумным дополнением к выводам.

В заключение автор приходит к выводу о том, что «система способов выражения оценки в русском и китайском языках не сильно отличается друг от друга» (с. 146). Представляется, что речь в данном параграфе идет прежде всего о системе, которая оказывается общечеловеческой, носит гуманитарный характер, в то время как конкретика – грамматика, авторский замысел и культурные стереотипы действительно могут быть различными.

Кажется, что тропа философов – *Philosophenweg* – находится не в Геттингене, а в Гейдельберге. Хотя в списке литературы есть ссылки на А.В. Величко, ее произведения не цитируются в тексте, что очень жаль, поскольку она одной из первых занялась теорией и практикой преподавания синтаксических фразеологизмов.

В целом за диссертацией стоит разнообразная, глубоко продуманная, тщательно выполненная работа, а на наш суд представлены только самые выпуклые и обоснованные ее результаты. По тексту у меня имеется два вопроса.

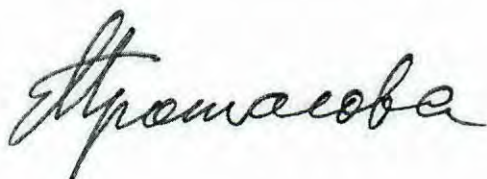
Обращает на себя внимание замечание о том, что перевод оказывается более однозначным, чем оригинал. Отсюда у меня вопрос: как, с Вашей точки зрения, это

объясняется – в большей степени свойствами китайского языка доводить мысль до конца или особенностями конкретного переводческого подхода?

Второй возникший у меня вопрос носит теоретический характер. Вы говорите о рациональной и эмоциональной оценке (с. 27). Вы пишете: «Для рациональной оценки характерно эксплицитное выражение позиции субъекта оценки, а эмоциональная оценка обычно отличается имплицитным выражением субъекта и/или объекта. В настоящем исследовании важны эти три типа оценки, и часто встречается имплицитное обозначение субъекта оценки». Хотелось бы узнать, как Вы различаете разум и эмоции? Есть ли какие-то критерии их противопоставления?

Диссертация Ван Илин на тему: «Конструкции в системе способов выражения оценки в современном русском литературном языке (на фоне китайского языка)» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Ван Илин заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык. Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Член диссертационного совета,
доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт
Отделения языков Хельсинкского университета, Финляндия

Протасова Екатерина Юрьевна

15.12.2020